

ВОСПОМИНАНИЯ

ПРОЩАНИЕ

Д-р Генрих Вальтер

Я родился в 1924 году и пережил "тысячелетний рейх", который, слава Богу, длился только 12 лет, как школьник и солдат.

Врач, которого в этом рассказе изгнали из Германии как еврея, был нашим домашним врачом.

После войны я изучал германистику, защитил докторскую диссертацию и получил степень доктора филологии. Затем работал учителем, а позже директором гимназии в Гамбурге.

После выхода на пенсию у меня появилось достаточно времени, чтобы записать свои воспоминания и мысли. Они посвящены моей семье.

В комнате был полумрак. Яркий дневной свет не должен был мучить ребенка. Лежать – уже было мучением для него. Иногда капельки пота стекали с его лба через переносицу на глаза. Маленькое бледное лицо подергивалось, выражая неприятное состояние или даже испуг. Это не был освежающий сон. Температура, казалось, еще поднималась, щеки горели. Попытки свернуться калачиком, сжаться, замкнуться в себе указывали на беспомощное состояние ребенка, близкое к обморочному.

Иногда ребенок чувствовал чью-то руку на своей голове. Эта рука нежно и успокаивающе гладила его по голове, мягко перебирая волосы. Мальчик открыл глаза. На него смотрели доброжелательные, но испытующие глаза. Вальтер никогда не видел это лицо, но с первого взгляда оно вызвало у него доверие. И голос этого человека тоже действовал успокаивающе. В его глухом тембре звучали понимание и симпатия, готовность помочь и уверенность. Врач поговорил с матерью, прописал какое-то лекарство, пожал руку мальчику и, сказав что-то приветливое, покинул комнату.

Позже пришла соседка. Она шепталась с матерью. Затем Вальтер услышал ее слова: "Зачем Вы обращаетесь к этому врачу? Вы разве не знаете, что он еврей?"

Неделю спустя мать с сыном пошли на прием к этому врачу. Приемная была пуста. Их сразу же пригласили в кабинет врача. Он встретил их приветливо, как хороших знакомых. Врач выглядел, как офицер. Он напоминал Вальтеру

соседа, офицера запаса военно-воздушных сил. Высокий, стройный, подтянутый, он элегантно стоял перед ними. Затем он предложил им сесть и осведомился о самочувствии мальчика. Он хорошо знал его состояние и был убежден, что прописанное им лекарство оказало действие уже на следующий день. Мать спросила его, почему он больше не заглянул к ним. Тот засмеялся: "Вы же видите, в этом не было необходимости. Почему я должен без нужды заставлять Вас тратиться?"

Так как мать Вальтера была все-таки еще озабочена, врач обследовал мальчика более основательно и назначил ему курс физиотерапии. Вальтер должен был прийти к нему 10 раз для лечения. Когда мать заговорила об оплате, доктор, грустно улыбувшись, отказался: "Мы покидаем Германию через несколько недель. Так что с немецких денег уже немного возьмешь".

"Вы покидаете Германию? – спросил Вальтер. – Куда же Вы хотите уехать?" "В Бразилию", – ответил врач. "Ты знаешь что-нибудь о Бразилии?" Мальчик с гордостью выложил свои знания перед доктором. "Мы можем тебя взять с собой в качестве гида", – одобрительно засмеялся доктор.

Неожиданно в помещении появилась белокурая женщина. Фрисландка. Во всяком случае, так позже полагала мать. Доктор В. познакомил обоих со своей женой. "Я о тебе уже слышала", – сказала она Вальтеру, поздоровалась с ним за руку и погладила его по голове. В этом жесте не

было ничего, что бы смущало его. В те годы он был очень робким и не любил вообще ни подобных прикосновений, ни доверительно-дружеских разговоров со взрослыми. Здесь все было иначе. Фрау В. повела его в физкабинет. Она направила лампу на кушетку, помогла ему занять правильное положение, и через некоторое время он почувствовал обволакивающее тепло. Но он чувствовал себя хорошо не только поэтому. Прикосновения ее рук, ее манера говорить не были только деловито-профессиональными, как, например, у зубного врача, к которому ему как-то пришлось обратиться. Нет, здесь он явно ощущал матерински любящую заботу. Эта женщина и доктор В. подходили друг другу.

В дверь постучали и, прежде чем фрау В. успела ответить, белокурая девочка с длинными косами приоткрыла дверь и заглянула в комнату. "У меня здесь пациент", – сказала фрау В., и в ее голосе послышались нетерпеливые нотки. "О, извините", – ответила 14-летняя девочка и прикрыла дверь, успев на считанные секунды задержать взгляд. Взгляды детей встретились. Позже этот мимолетный эпизод вспоминался мальчику.

Дважды в неделю он приходил на лечение точно в назначенное время. Но только еще один раз приняла его фрау В. Она выглядела немного беспокойной и рассеянной. "Неужели она так поглощена приготовлениями к отъезду?" Вальтер заметил, как беспокойно бегали ее глаза. Это напомнило взмах крыла подстреленного голубя. Старшие соседские мальчишки ради развлечения стреляли в голубей.

Затем его принимал сам доктор В. Когда Вальтер пришел последний раз, табличка с надписью "Praxis" была явно насильственно сорвана с двери. Ее осколки еще торчали в отверстиях от винтов, а дверь под ней была закопчена от огня. Входная дверь в квартиру тоже была со следами насилия. Оконные стекла были выбиты, вместо них кое-как были прибиты гвоздями серые доски. Однако табличка с фамилией была пока еще на месте.

Вальтер чувствовал себя очень неловко. Должен он уйти? Он стоял в нерешительности. Вдруг он услышал за дверью голос белокурой девочки. Тогда он позвонил. Долго, как ему казалось, все было тихо. Наконец, он услышал шаги, и доктор В. открыл дверь.

"Ах, это ты, заходи!" Врач повел мальчика в комнату, в которой все напоминало о подготовке к отъезду. Коробки, упакованные

полностью или наполовину, стояли на полу, на стульях и на письменном столе. Коробки с книгами, бельем, посудой. "Мы уезжаем раньше, чем думали", – сказал доктор В. – "К сожалению, я не могу уже сделать тебе физиопроцедуру. Наш "Praxis" закрыт. Но очень хорошо, что мы еще раз увиделись", – сказал доктор.

Мальчику казалось, что доктор за последние дни как-то изменился. То ли постарел, то ли был болен. Его волосы казались более седыми, чем раньше.

"Садись же". Доктор пододвинул ему стул и сел напротив него за стол. "Ты же читаешь с удовольствием. Ты уже читал что-нибудь из работ греческого философа Платона?" Вальтер неуверенно покачал головой. Что-то угнетало его все сильнее с каждым мгновением. Казалось, будто грубые руки сдавливают ему горло.

"Я хочу подарить тебе на прощание это издание знаменитого произведения Платона "Государство". Ты не все сразу поймешь, но позже... Послушай-ка!" И он начал читать. Звучали печаль и в то же время желание передать совсем иной мир человечности. Вальтер сидел оцепеневший. Пелена застилала ему не только глаза, все его восприятие, слух были затуманены. Он кое-что слышал в родительском доме, в школе, в юношеской организации о том, что сейчас происходит в Германии. Здесь он видел человека, которого все это коснулось, человека, который ему нравился. В этой квартире жили люди, которые были к нему расположены.

Пелена сгущалась. Он воспринимал уже только фрагменты...

"Если кто-то утверждает, что он вправе назвать любого другого виновником, и при этом полагает, что этим обвинением он наказывает врага, то он говорит неправду. Так как ни при каких обстоятельствах несправедливо кому-либо вредить, – сказал Сократ".

Затем доктор В. встал. Вальтер встал тоже. Он еще чувствовал руку врача на своем плече, в ушах еще звучали его последние слова, когда он с книгой в руках спускался, спотыкаясь, по лестнице, как затравленный пересекал улицу и стремился домой. Домой...

Он уже не помнил, что ответил, поблагодарил ли, пожелал ли на будущее, на дорогу всего хорошего врачу, его жене, его дочери.

"Мой юный друг..."

Этот осколок воспоминаний проникал снова и снова в его сознание.